

9. Энциклопедия фантастики: Кто есть кто / под ред. В. Гакова. – Минск, 1995. – 694 с.
10. Неелов, Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики / Е.М. Неелов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 198 с.
11. Семибратова, И.В. Типология фантастики в русской прозе 30–40-х годов XIX века: дисс. ... канд. филолог. наук: 10. 01. 01 / И.В. Семибратова. – М., 1972. – 199 с.
12. Тихонов, И.А. Формы и функции фантастики в русской прозе нач. XX века: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10. 01. 02 / И.А. Тихонов. – Вологда, 1994. – 21 с.
13. Чебанюк, Т.А. Фантастическая повесть в историко-литературном процессе 20-х – начала 40-х гг. XIX века: дисс. ... канд. филолог. наук: 10. 01. 01 / Т.А. Чебанюк. – М., 1979. – 217 с.
14. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу: Моногр. / Ц. Тодоров; пер. с франц. Б. Нарумова. – М.: Дом интел. книги, 1997. – 144 с.

Н.В. Голубович (ВГУ им. П.М. Машерова)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ УСЛОВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическое освоение немиметических форм творчества имеет долгую историю. Еще Аристотель разграничивал два способа художественного осмысления действительности, отдавая в отдельных случаях предпочтение условности: «...в поэзии предпочтительней невозможное, но убедительное, возможному, но неубедительному» [1].

Несмотря на наличие в современном литературоведении корпуса теоретико-методологических работ, посвященных художественной условности [2], отдельные вопросы остаются открытыми для дискуссии. Представим только некоторые из них.

1. Одним из наиболее полемичных в современном литературоведении является вопрос о целесообразности использования терминов «первичная художественная условность» и «вторичная художественная условность». В последних литературоведческих работах условность и жизнеподобие разграничиваются как разные явления художественной изобразительности. Исследователи выявляют принципиальное отличие условности от миметических художественных форм (А.А. Михайлова, В.Е. Хализев, О.В. Шапошникова, Е.Н. Ковтун, Н.Г. Владимирова и другие).

Многие ученые признают целесообразность различения условности «первичной», определяемой как имманентное свойство любой художественной реальности в силу условности всякого искусства вообще, и «вторичной условности» – фантастических форм, не имеющих эквивалентов в реальности (А. Михайлова) [2]. Есть и другие варианты дефиниции «необычайного» в художественном произведении. О. Шапошникова называет такую образность «акцентированной» [3]. Л. Гинзбург делит поэтические представления на жизнеподобные, вырастающие из эмпирического опыта, и «дифференциальные», связанные с сознательным нарушением этих подобию в определенных целях [4, с. 12]. Существование двух разновидностей условности признает Ю.М. Лотман. В первом случае, по Лотману, речь идет об обратном отражении реальности (ученый называет это «удвоением реальности»), во втором – действует механизм двойного удвоения, т.е. «удвоение удвоения». На таком «участке вторичного удвоения» Лотман отмечает «резкое повышение меры условности» [5, с. 243].

Как бы ни называли отмеченный факт исследователи, каждый раз имеется в виду *сознательное, преднамеренное и целенаправленное* отступление писателя от буквального правдоподобия. На первый взгляд, определение достаточно ясно передает суть исследуемого феномена. Но только «на первый взгляд». Из сказанного ясно: единственным критерием демаркации «первичности» и «вторичности» при характеристике художественной реальности является ее адекватность или неадекватность правдоподобию. Понятно, что наличие лишь одного разграничительного параметра обуславливает размытость границ между двумя типами условности и создает почву для идентификационных разночтений. Кроме того, и само понятие «правдоподобие» требует специальных пояснений. Что есть художественное правдоподобие? Каковы критерии «фантастичности – реалистичности»? Какой принцип лежит в основе оппозиций «реалистический – нереалистический», «реальный – нереальный»? Прибавим к этому проблему дифференциации разновидностей фантастического: чем, например, сущностно отличаются такие его проявления, как чудесное, волшебное, магическое? В конце концов, что такое реальность?

Решая эти вопросы, исследователь вынужден всегда оговариваться, что исходные данные задаются им самим. При этом, как правило, на объекты художественного мира переносятся критерии естественнонаучного понимания жизни, которые не всегда приложимы к художественной реальности. Однако альтернативы пока нет. Вероятно, чтобы работать над этой проблемой дальше, литературоведам придется уточнить классификацию самой категории *существование*, когда речь идет о художественном бытии и художественном сознании, и, возможно, отказаться от оппозиции «**материя** (объективная реальность) –

дух (субъективная реальность)», признав синтетические формы *существования*. Пока же этого не сделано, следует, пусть и с оговорками, признать что термины «первичная» и «вторичная условность» полнее и точнее других характеризуют обозначаемые ими явления, позволяя включить в исследовательскую область все разновидности повествования о «необычайном».

2. Изучение художественной условности ведется сегодня в двух направлениях. Представители первого (С. Аверинцев, Т. Аскарлов, В. Дмитриев, А. Михайлова и другие) помещают условность в один ряд с общими литературоведческими понятиями – фантазией, образностью, разными способами отражения реальности. Ученые другого направления (Н. Владимирова, А. Вулис, В. Гаков, Ю. Манн, Н. Медведева, Е. Ковтун, Т. Чернышева и другие) характеризуют «необычайное» как формообразовательный компонент, жанровый продуцент или художественный прием. Сторонники этой концепции убеждены в необходимости выработки для таких художественных форм особых оценочных критериев. Другими словами, речь идет о выработке специальных приемов анализа, адекватных специфической природе «необычайной» художественной реальности.

Такой подход лежит в основе нашего исследования прозаических произведений М.А. Булгакова. Мы исходим из посылки, что вторичная условность предопределяет своеобразие художественных моделей реальности, созданных писателем. Установка на условность актуализирует новые для булгаковедения вопросы:

– Какова специфика диахронических изменений вторичной условности у М.А. Булгакова? Носят ли эти изменения системный, закономерный, постоянный, эволюционный характер или мы имеем дело с частными, единичными модификациями условности, связанными с жанровыми законами?

– Имеются ли предпосылки эволюционных изменений вторичной художественной условности, если таковая все же наблюдается, и как в таком случае сказались на характере изменений имманентные законы взаимодействия разных типов художественной условности и их преломление у М.А. Булгакова?

Целесообразность рассмотрения прозы М.А. Булгакова сквозь призму вторичной условности доказана, таким образом, самой природой творчества писателя. Фантастическое (в широком его понимании) является каркасом, матрицей булгаковской образности в большинстве произведений автора. Условность выполняет формообразующую, стилеобразующую, сюжетообразующую функции, определяя структурную и содержательную оригинальность созданных писателем художественных моделей реальности.

Специальный анализ вторичной условности в прозе М.А. Булгакова показывает, что прогрессивное усложнение и универсализация создаваемых писателем художественных моделей реальности за счет интеграции вторичной условности – следствие постепенного изменения характера связей между сатирическим, фантастическим и мифологическим типами – от отношений субординации к синтезу. Вторичная условность в булгаковской прозе – уникальная функциональная эстетическая система, обладающая динамичной полиморфической структурой, эволюция которой отражает усиление центростремительных тенденций в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч.: в 4-х т. / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4: Поэтика. – 830 с. – (Филос. наследие. Т. 90.).
2. Михайлова, А.А. О художественной условности / А.А. Михайлова. – М.: Мысль, 1966. – 319 с.
3. Шапошникова, О.В. Гротеск и художественная условность / О.В. Шапошникова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Философия. – 1982. – № 3. – С. 16 – 23.
4. Гинзбург, Л. Литература в поисках реальности / Л. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 399 с.
5. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1991. – 464 с.